

и развития судебного процесса, осуществления распорядительных действий сторон и могут быть реализованы в принудительном порядке на основе судебного постановления; специфическими чертами, проявляющимися в ограничении диспозитивного цивилистического процессуального регулирования под воздействием норм транспортного права, межотраслевом воздействии и совпадении ряда приемов регулирования рассмотрения и разрешения транспортно-правовых споров.

Л. П. Станишевская
кандидат исторических наук
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ О ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ КНР

Мировым лидером в регистрации товарных знаков (далее – ТЗ) в настоящее время является КНР. Из 58,2 млн ТЗ, действующих в мире, более 25 млн принадлежит Китаю. Сегодня Китай является одним из главных внешнеэкономических партнеров Беларуси в Азии. 31 августа 2015 г. Президент Республики Беларусь подписал Директиву № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой». В сентябре 2016 г. вступил в силу Договор о дружбе и сотрудничестве между нашими государствами. Следствием этого явилось бурное белорусско-китайское сотрудничество в области экономики, торговли, инвестиций. 15 ноября 2023 г. принимается Указ № 356 «О проекте международного договора о торговле услугами и осуществлении инвестиций».

Для экспортно ориентированной экономики Беларуси чрезвычайно актуальным выступает продвижение наших товаров на китайский рынок. Однако «наличие белорусских брендов на китайском рынке скорее исключение, чем правило» [1, с. 262]. Этому есть ряд причин.

Несмотря на то, что КНР является членом ВТО и международная регистрация осуществляется в соответствии с Мадридским соглашением и Протоколом к нему, проблема защиты ТЗ остается в Китае «неприемлемо сложной» [2]. Китай оставил за собой право решать вопрос о действии ТЗ в пределах своей территории. Это приводит к тому, что в течение года и более (с момента подачи международной заявки и до принятия решения о регистрации) ТЗ не предоставляется правовая защита. В таких условиях более привлекательной выступает не международная, а национальная регистрация, поскольку она предоставляет защиту ТЗ с момента подачи заявки. При международной регистрации знака его владельцу вменяется в обязанность также подача заявления для проведения процедуры его признания в Управление по товарным знакам КНР.

Помимо Ниццкой классификации знаков (45 классов товаров и услуг), в КНР применяется сложная система подклассов, малознакомая иностранным заявителям, на которую прежде всего ориентируются китайские эксперты.

В отличие от белорусского законодательства, согласно ст. 8 Закона «О товарных знаках КНР» (далее – Закон КНР) в качестве ТЗ в Китае может быть зарегистрировано любое обозначение, позволяющее различать между собой товары и услуги разных юридических и физических лиц, в том числе нетрадиционные ТЗ.

Камнем преткновения выступают разные принципы приоритета. Так, в Китае (ст. 31 Закона КНР) в отношении ТЗ действует принцип приоритета заявки, а не приоритета использования. Податель первой заявки на регистрацию ТЗ получает исключительное право на ТЗ. Поскольку при регистрации знака не требуются документы, подтверждающие его фактическое использование, нередки случаи, когда заявку подает лицо, которому ТЗ не принадлежит, либо когда китайский партнер иностранной компании регистрирует ТЗ только на свое имя, чем нарушает права иностранной компании.

Минимизировать риски, связанные с недобросовестной регистрацией ТЗ со стороны третьих лиц, помогает его регистрация в иероглифическом написании. Однако и здесь заявителя подстерегает опасность, так как существуют различные варианты перевода (фонетическая, звуковая аналогия, аналогия значения или сочетание этих подходов).

Список использованных источников

1. Рудый, К. В. Непохожие: взгляд на Китай и белорусско-китайские отношения / К. В. Рудый. – 2-е изд. – Минск : Звязда, 2021. – 304 с.
2. До степени смещения: в Китае принят план действий по защите иностранной интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Окно в Китай. – Режим доступа: <http://chinawindow.ru/knowledge-base/trade-marks-in-china/do-stepenismesheniya/>. – Дата доступа: 10.03.2024.

О. В. Степанов

*кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ
В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Эффективность применения гражданского законодательства во многом зависит от соответствия всех его правовых институтов уровню развития современного общества. Хотя российский законодатель в ст. 195 «Понятие исковой давности» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет, что «исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено». Тем не менее различные аспекты института исковой давности всегда являлись и являются предметом пристального внимания многих ученых и практиков в различное время [1]. Ведь гражданско-правовые отношения развиваются более стремительно, чем действующее гражданское законодательство.

Как свидетельствует проведенный нами анализ современных литературных источников, совокупность научных суждений в рассматриваемом направлении довольно обширна и связана, например, с правовой природой института исковой давности и его отраслевой принадлежностью, основаниями приостановления течения срока исковой давности, сокращением срока исковой давности, последствиями исковой давности и др. [2–5].

В ходе анализа юридической литературы и нормативно-правовой базы, определяющей особенности срока исковой давности по российскому законодательству, автор полагает уместным сделать следующее суждение.

Понятие исковой давности имеет долгую историю развития – от зарождения определения срока исковой давности до его точного определения законодателем. На разных этапах развития российского законодательства срок исковой давности был различным и зависел от субъекта, чье право было нарушено, и особенностей нарушенного права. В настоящее время законодатель выбрал общий трехлетний срок исковой давности со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ, в которой уточняется, что при этом срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня возникновения обязательства. Поэтому предлагается увеличить общий срок исковой давности до 15 лет. В силу сказанного изложить п. 2 ст. 196 «Общий срок исковой давности» Гражданского кодекса в новой редакции: «2. Срок исковой давности не может превышать пятнадцать лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»». Это предложение учитывает не только исторические традиции Российской Федерации и социально-экономические условия, в которых находится страна в настоящее время. Более того, такое нововведение повысит уровень правовой защиты лиц, чьи права были нарушены, и снизит уровень правового нигилизма.

Проведенное исследование позволяет также автору далее продвигать свою мысль относительно корреляции российского гражданско-процессуального законодательства в рамках исковой давности [6]. В связи с этим добавить в ст. 39 «Изменение иска, отказ от иска, признание иска, мировое соглашение» Гражданского процессуального кодекса ч. 4 нового содержания: «4. Если сторона подала иск о применении срока давности до вынесения решения суда общей юрисдикции, суд проводит исследование всех доказательств и обстоятельств гражданского дела повторно».